

Су Лин улыбнулся. В этом чужом мире ему нравилась эта наивная и шумная девушка.

Малыш, привыкший к рукам Су Лина, теперь, оказавшись в неумелых объятиях Инлянь, сразу же начал беспокоиться, извиваясь и лепеча что-то невнятное.

Инлянь заволновалась.

— Непослушный, непослушный!

Не прошло и полчаса, как ребенок, казалось, вот-вот заплачет. Инлянь тут же передала его Су Лину.

— Он непослушный, я больше не хочу его!

Су Лин взял малыша на руки и начал мягко успокаивать. Ребенок, оказавшись в знакомых объятиях, быстро успокоился, сосал палец и оглядывался вокруг, вызывая умиление. Инлянь, увидев это, сжала кулачки и притворилась, что хочет ударить его.

Смех и шутки заполнили комнату. Редко, но Су Лин чувствовал себя счастливым в этом чужом мире.

На столе стояла оставшаяся от ребенка каша. Су Лин, не желая выбрасывать еду, поставил ее на теплую печь, чтобы позже, когда малыш проголодается, снова покормить его. Только он закончил, как вошел А Чан, позвав их на обед.

Инлянь, чувствуя сильный голод, толкала Су Лина в спину, смеясь и шутя, пока они выходили.

Ближе к полудню голодные деревенские жители, поев, начали расходиться. Некоторые, однако, остались, и Ци У пообещал им, что вечером они смогут вернуться. Только после этого они, оглядываясь, отправились домой.

Ци У проводил последнего жителя и закрыл потрескавшиеся ворота. В этот момент он услышал долгий вздох второго дяди Чжао, сидевшего на груде камней перед домом. Ци У, понимая его мысли, тоже вздохнул и молча помог Чжао Эру пройти в главную комнату.

На обед была каша из проса, приготовленная в большом котле. Блюда были водянистыми, ведь еда, приготовленная в большом котле, никогда не сравнится с той, что готовят на маленьком очаге. Все ели без аппетита, только Инлянь требовала жареных яиц, но Чжао Эр резко оборвал ее, отчитав без всякой причины. Она, обиженная, продолжила есть безвкусную еду вместе со всеми.

Су Лин все еще пил рисовую кашу, чувствуя тяжесть на сердце. Он ел без особого желания.

Хотя он и был сиротой, но в детском доме он никогда не голодал. Он знал, что состояние семьи Ци, хотя и не хуже, чем у многих домохозяйств в деревне Хуши, но если продолжать кормить всех таким образом, через месяц запасы закончатся.

А что будет потом?

Су Лин вспомнил младенца в своей комнате, с которым он сразу нашел общий язык. Когда он впервые дал ему кашу, та жадность, которая не должна была быть у ребенка, ранила его сердце. Вспомнив, как те чистые глаза смотрели на него, Су Лин больше не смог есть.

Жизнь в этом мире слишком тяжела.

Вечером снова пришла толпа людей, некоторых привели те, кто был здесь в обед. Ци У ничего не сказал. Днем он отнес запасы проса в соседнюю мастерскую, чтобы их очистили, и теперь смог накормить всех, правда, вместо каши из проса был суп.

Когда луна поднялась над деревьями, люди начали расходиться. Чжао Эр, дрожа и опираясь на палку, спросил Ци У:

— На сколько хватит еды?

Ответ был очевиден, но никто не хотел говорить об этом. Все молча смотрели друг на друга.

Чжао Эр, явно уставший, покачал головой и позвал Инлянь, которая играла с травой во дворе. Они попрощались и ушли.

У ворот один был веселый и беззаботный, как будто в мире не было ни одной заботы, а другой — старый и хромой, полный старости. Два таких разных силуэта медленно исчезли вдаль по дороге.

Тени сухих ветвей под луной были такими печальными.

За дверью спальни шуршала невестка Сунь. Она долго стояла там, услышав весь разговор Ци У и Чжао Эра. В конце концов, она вышла из комнаты, накинув на плечи одежду, и поклонилась Ци У, ударившись головой об пол.

— Ци У, этот поклон от имени семьи Лао Суня.

Ци У поспешил поднять ее, слегка упрекнув:

— Мы из одной деревни, зачем так?

Лицо невестки Сунь было залито слезами, но она ничего не сказала. Несмотря на попытки Ци У остановить ее, она поклонилась еще три раза, затем встала, вытерла слезы рукавом и молча вернулась в спальню.

Ци У не понимал, что она имела в виду. Его сердце было в смятении, и он не стал разбираться. Он просто стоял во дворе, погруженный в свои мысли, пока не почувствовал усталость. Не обращая внимания на грязь, он сел на землю, опершись головой на руки, и думал о будущем, пока голова не начала болеть. Но много думать было бесполезно, и он решил бросить это. Резко потер лицо руками и направился в другую спальню.

Су Лин передал спящего ребенка невестке Сунь и, пока Ци У обсуждал что-то с Чжао Эром во дворе, пошел помыться. А Чан был очень послушным. Хотя он любил играть, он никогда не забывал о поручениях старшего брата и каждый день грел воду для своей невестки. Су Лин был ему благодарен, но чувствовал вину — мальчику было всего двенадцать лет.

Быстро приняв душ, Су Лин почувствовал облегчение после целого дня усталости. Теперь он сидел перед резным бронзовым зеркалом, потирая влажные кончики волос сухой тряпкой.

Дверь скрипнула, и в проеме появилась высокая и крепкая фигура.

Су Лин испугался, сердце его заколотилось, и тряпка выпала из рук. Хотя за эти дни этот большой парень не трогал его, кто знает, когда это может измениться.

Фигура медленно приближалась, и Су Лин уже чувствовал знакомый и опасный запах. Он

прижался спиной к стене, пока не осталось места для отступления. Тихо спросил:

— Ты... ты вернулся?

Ци У продолжал приближаться.

Су Лин испуганно спросил:

— Дядя Чжао... дядя Чжао ушел?

Не успев закончить, он оказался в крепких объятиях теплого тела. Грубое дыхание касалось его шеи, вызывая странное ощущение.

Су Лин попытался вырваться.

Ци У устало прошептал:

— Детка, моя детка, будь послушной, дай мне обнять тебя.

Его голос был низким, полным усталости и изнеможения. Услышав это, Су Лин замер, не двигаясь, позволяя ему обнимать себя. Щетина на подбородке Ци У щекотала его шею, и Су Лин толкнул его в грудь:

— Щекотно...

Ци У поднял его на руки и аккуратно положил на кровать. Сняв верхнюю одежду, он забрался под одеяло и обнял Су Лин, вдыхая его запах, который был для него лучшим успокоением. Вскоре все проблемы исчезли, и Ци У крепко уснул.

Су Лин, крепко обнятый, слегка пошевелился, но, увидев, что тот уже спит и не собирается его трогать, успокоился. Ци У не мылся вечером, и его запах был сильным, что было непривычно для Су Лина. Но сегодня он много ходил и чувствовал сильную усталость. Постепенно сон одолел его, и вскоре он тоже крепко уснул.

Утро поздней весны наступило быстро. Су Лин спал чутко, но все же проспал до позднего утра. Ци У громко храпел. Во сне Су Лин услышал шум снаружи и попытался встать, но Ци У удержал его.

Су Лин снова попытался вырваться, но не смог. Тихо сказал:

— Снаружи, кажется, шумно. Лучше встать и посмотреть.

Ци У, с утренней хрипотцой в голосе, ответил:

— Наверное, это снова деревенские... Поспим еще немного.

Су Лин замолчал. Через некоторое время он услышал странные звуки, похожие на плач. В этот момент Ци У тоже заметил что-то неладное и сразу же встал.

Накинув верхнюю одежду, он еще не вышел, как дверь распахнулась, и ворвался А Чан.

— Старший брат! Старший брат! Беда! Невестка Сунь повесилась!

Невестка Сунь нашла кривое дерево на задней горе и повесилась на своем поясе. Задняя гора

была каменистой, с песчаной почвой, где ничего не росло, и туда обычно никто не ходил. Если бы не старик Чжан, у которого заболела мать, и он отправился туда за корнем лекарственного растения, никто бы не нашел ее, пока тело не начало бы разлагаться.

Старик Чжан, простой крестьянин, никогда не сталкивался с такими ситуациями и был в панике. Он смог лишь поднять ноги невестки Сунь и снять ее с дерева, затем понес ее вниз по горе, крича о помощи. По пути он встретил несколько деревенских жителей, и они вместе отправились в дом Ци.

<http://bllate.org/book/16679/1530314>